

Оглавление

Часть первая — Жизнь и профессия	7
Я люблю себя	7
Возвышающий обман	10
Па-де-де	14
ВГИКовские времена	17
«Первый учитель»	25
Иллюзия победы	33
«Ася Клячина»	37
Свободный полет. Праздник	45
Сценарии и сценаристы	51
Лондон	61
Запрещенный спектакль	65
«Дворянское гнездо»	67
Беата	76
Снова о Тарковском	82
Женщина Боттичелли	91
Вивиан	95
«Дядя Ваня»	104
Партизаны	114
Рита-Ритуля	116
Гога	118
Часть вторая — Режиссерские миры	123
«Романс о влюбленных»	123
Кстати, о Шекспире	127
Как в жизни. Как в искусстве	131
Леван	139
«Сибириада»	143

Гран-при спесиаль _____	149
Рудик _____	157
Люди «Сибириады» _____	160
Ваня _____	165
Малибу _____	168
Гизела _____	174
Американское кино _____	176
Реклама _____	183
Моя Венеция _____	186
«Поезд-беглец» _____	192
«Дуэт для солиста» _____	204
«Стыдливые люди» _____	208
Нагибин _____	212
«Гомер и Эдди» _____	218
Часть третья — Самопознание _____	227
Магия оперы. «Евгений Онегин» _____	227
Снова Чехов _____	237
Жюльет _____	245
Комедия «Чайка» _____	251
Магия оперы. «Пиковая дама» _____	256
«Ближний круг» _____	262
«Это жиды, это Вильгельм» _____	267
Антирусское кино _____	273
«Одиссея» _____	279
Цирк _____	298
Даша _____	304
Политика и культура _____	309
Куда идем? _____	319
Она _____	326
Вместо заключения _____	341
Именной указатель _____	345

*Памяти Маргариты Менделевны
Синдирович посвящается эта книга*

Жизнь и профессия

часть первая

Я люблю себя

Я люблю себя. Если честно — я себя обожаю. За что — не знаю. Наверное, за то, что я умный, талантливый, красивый. В газетах пишут про мою улыбку: ослепительная, голливудская. Действительно, голливудская. Зубы-то не мои. А если улыбнуться пошире, в зеркале видно, что зубы, настоящие, мои, пожелтели и торчат из слабых десен, как у Холстомера.

Зеркало показывает не все. Видишь себя спереди. Но если взглянуть во второе зеркало, которое подносит к твоему затылку парикмахер, демонстрируя свежую стрижку, то в нем маячит уже явственно проступающая предательская лысина. Значит, надо отращивать волосы подлинней, чтобы как-то прикрыть ее, проклятую. Хорошо бы вообще забыть о ней. Какое счастье, что не видишь себя сзади! Если посмотреть в зеркало на себя голого, опять же видны противные складки на поясице. Фиксируешь для запоминания: надо не сгибаться, чтобы складки не выступали. Люди всегда стараются представлять себя такими, какими были в двадцать лет, хотя им давно уже не двадцать...

Свет мой, зеркальце, скажи... Нет, зеркальце правды никогда не скажет. В зеркало мы видим себя с одного только ракурса, с какого мы бы и хотели, чтобы нас видели.

Замечали, как часто человек смотрится в зеркало? Особенно если оно прямо перед ним? Зачем он в него так часто смотрит? Чтобы проверить: как видят его другие, все ли в порядке? Ему кажется, что все другие видят его спереди. Но в том-то и дело, что видят не только спереди...

Уже само зеркало, такое на вид бесстрастное, от природы объективное, есть «возвышающий обман», ибо мы видим себя только в фас.

Писатель Розанов рассказывал о некой вдове. Одетая в траур, она со скорбью говорила о покойном муже, но время от времени все-таки посматривалась в зеркало. Вдова эта навела Розанова на мысль: писатель значительный от ничтожного почти только одним и отличается — смотрится он в зеркало или не смотрится. Тот, кто смотрится, — маньерист, личность незначительная. Писатель значительный в зеркало смотреться не будет. Ему не важно, как он выглядит.

Зеркало — наш ежедневный обманщик. Каждое утро мы смотрим на себя в зеркало и не замечаем, как правило, тех микроскопических изменений, тех признаков приближения... Да, да, приближения. А потом, как у чеховского героя, вдруг посреди ночи будто ударило, вскочил в поту: что я делаю?

Я говорю о приближении к смерти. Подойдешь к зеркалу и видишь не лицо, а мятую ж..у. Тихонько думаю про себя: хорошо бы никто не узнал, что я только сам знаю.

Так вот, все, что я пишу о себе, — это то, что я хочу, чтобы вы про меня знали. Это возвышающий меня и вас обман.

Если вдуматься, если рассудить: в чем причина моей любви к себе? Сколько раз я поступал нехорошо, но находил мотивировки и оправдания этим поступкам. Сначала находишь оправдания, потом стараешься забыть. Оправдание нужно лишь затем, чтобы не свербило. Мотивировки и оправдания, даже фальшивые, успокаивают. Если человек оправданий себе не находит, значит, у него есть совесть. Как правило, че-

ловец, у которого есть совесть, несчастен. Счастливы люди, у которых совесть скромно зажимается и уверливо находит себе оправдание. Таков я, в частности.

Знаю, что очень виноват перед одним своим другом, который умирал от инсульта, а я три года не собрался к нему зайти. Юлик Семёнов болел, у него был паралич, а я ездил мимо и не поднялся к нему ни разу. Тогда мы не были уже друзьями, но все равно можно было зайти. Я этого не сделал. Неприятно было заходить к больному, парализованному. Мне сейчас об этом припомнила сестра, и она права.

Всякий раз, когда поднимало голову чувство вины, я пытался себя оправдать, запихнуть его куда-то под ковер своего сознания. И кто более счастлив: тот, кто находит оправдание своим поступкам, или тот, кто не находит? Получается, что тот, кто находит оправдание, совести не имеет. А тот, кто имеет совесть, несчастен.

Но вот успокаиваешь себя прекрасной мыслью. На самом деле, когда я говорю, что виноват, это вовсе не значит, что я сделал кому-то очень-очень больно. Я никого не убивал, никому не вредил, никому не желал зла, а если и желал, то никогда этого не выражал и гнал саму эту мысль от себя. Но достаточно ли не делать зла, чтобы быть хорошим человеком? Наверное, нет. Чтобы быть хорошим человеком, надо делать над собой усилие. Не очень много добра я сделал. И усилий делать добро помню немного. А если у тебя нет времени сделать добро, значит, у тебя нет времени стать хорошим человеком.

Мало у меня было времени, чтобы стать хорошим человеком. За что же я люблю себя? Любить-то вроде особенно не за что. Мне, себя лично. Мы все время повторяем евангельские слова: «Возлюби ближнего, как себя самого». Эту заповедь тоже можно использовать как некую индульгенцию самому себе, как оправдание любви к себе.

Почему же я все-таки люблю себя? Может, просто потому, что самодовольно спит моя совесть? Или, скорее, пото-

му, что другого меня нет — есть только такой я? Приходится любить то, что есть. И еще потому, что должен, как и все, умереть.

Ну а как же насчет души, которая «в заветной лире мой прах переживет»? Может такое случиться? Вряд ли... Но даже если предположить, что переживет, уже не будет душистых круассанов с черным кофе, не будет запаха хорошей сигареты, столь вредной для здоровья. Не будет там, в мире без плоти, упругого, сквозь теплый шелк, бедра женщины, на которое можно положить руку и никто не отодвинет ее... Не будет мечты о «розе в кабине рольс-ройса»; не будет тепло ветра, врывающегося в машину, не будет аллеи, рябящей пятнами солнца... Не будет тех чувственных ощущений, которые доставляют такие мимолетные и такие неизбывные радости, такие моменты счастья! И, может, люблю я не себя, а жизнь, которая живет через меня.

Возвышающий обман

Человеку свойственно иметь идеал. Как правило, идеал — это то, чего у нас нет. Как только желаемое достигнуто, оно уже не идеал.

Человеку хочется не просто иметь идеал, но и внутренне ему соответствовать. Возвышающий обман — это, может быть, обещание себе: «с первого января бросаю курить». Живя этой сладостной надеждой, я продолжаю жить, как жил всегда. Наступает первое января, и я говорю себе: «Ну вот, еще несколько дней! Закончу работу — и непременно брошу». Или: «Наконец покончу с этим проклятым разводом, и тогда — ни одной сигареты!» Мы назначаем себе следующий горизонт, до которого еще надо дойти. Откладывая на будущее, всегда имеешь успокаивающую перспективу. На свои недостатки приятнее смотреть сквозь пальцы, давать индульгенцию своим слабостям.

Или возвышающий обман может принимать облик искренних слез благодарности в ответ на наглый подхалимаж, на бесцеремонную лесть. Когда матери хвалят ее ребенка, это часто ложь, но мать всегда готова верить! Это обезоруживает. Людям хочется казаться лучше, чем они есть на самом деле.

Влюбленность — тоже обман. Или самообман. Мы влюблены до тех пор, пока обманываем себя, идеализируем объект наших чувств. А идеализация — это исключение негативных черт, то есть возвышающий обман. Влюбившись в женщину, мы видим ее идеальной, а потом, когда любовь проходит, не только уродкой, но монстром, чудищем, что, разумеется, неправда. Это тоже иллюзия.

Любовь, конечно, не тождественна влюбленности. Можно любить человека и со всеми его недостатками, можно даже недостатки воспринимать как достоинства.

Любовь как определение чувства тоже исторически возникла как метаморфоза плотского влечения, постепенно соединяясь с началом духовным. Позже, в христианском мире, все, относящееся к плоти, объявлялось греховным и потому нуждалось в духовном противовесе, в возвышении чувства, в придании ему некоего божественного начала, воспаряющего над грехом вожделения. В странах Востока любовь идеализировалась обожествлением сексуального акта как такового. Камасутра, известнейший из трактатов о любви, призывал познавать ее тайны, совершенствоваться в технике соития, позволяющей открыть высшие формы жизни духа.

Самый возвышающий из всех возвышающих обманов — искусство.

Не многие из художников ставили своей целью привести человека к депрессии. В общении с искусством человек хочет обрести надежду. Искусство без надежды не привлекает его. Не говорю о трагедии; надежда, которую дает она, не в обретенном героями счастье, а в утверждении силы человеческого духа, готовности на смерть во имя истины.

К надежде трагедия ведет через катарсис. Но большинство зрителей предпочтет площадную комедию высокой трагедии: ее путь к надежде гораздо более прост, очевиден и всем понятен. Человек как бы возвышается духом без затраты духовных усилий.

Ну, конечно же, кино тоже обман. Великий обман. Эйзенштейн, как рассказывают, любил начинать свои лекции с того, что кино — обман по своей природе. Человек думает, что ему два часа показывают кино, а ему половину этого времени показывают черную шторку, перекрывающую объектив проектора, пока грейфер ставит перед ним следующий кадр. Но это, так сказать, обман технологический. Дело техников: как обмануть зрителя, чтобы движение имело иллюзию реального. Дело художника: как обмануть зрителя, чтобы сыгранные чувства они приняли за подлинные, поверили в правду мира, рожденного авторским воображением.

В этой книге, продолжающей «Низкие истины», я возвращаюсь опять к началу своей биографии, на этот раз биографии творческой, говорю о своих фильмах, замыслах, сценарных проектах, работе в театре и даже в площадном искусстве.

Как правило, мы уверены, что мир является таким, каким мы его видим. Нам не часто приходит в голову мысль: «А может быть, все, что я вижу, на деле вовсе не так?» Наши заблуждения нередко проистекают из веры, убеждений, а вера, пусть и не соответствующая истине, дает энергию. Толстой называл это «энергией заблуждения».

Художнику свойствен некий идеал, а идеал — это уже само по себе вещь нереальная. Достоевский говорил, что, если бы пришлось выбирать между Христом и истиной, он бы остался с Христом. Иными словами, ему все равно, насколько его идеал отвечает истине. Предпочтительнее заблуждение, если оно дает внутреннюю опору, становится путеводной звездой, компасом. Не важно, придем ли мы к цели; главное — не сбиться с пути.

Идеалы и есть возвышающий обман. Любые идеалы. В силу уже одного того, что они идеалы. Но они обман, ибо реальны лишь в абстрактных координатах. В платоновском мире «чистых идей».

Я уже вспоминал мысль Горенштейна о том, что если Толстой и Достоевский были дон-кихотами русской литературы, то Чехов был ее Гамлетом. Очень верная мысль. Чехов — единственный человек в русской литературе, у которого не было претензии на знание истины. Существует достаточно убедительная точка зрения, что знание истины не дано человечеству. Уже потому, что все мы внутри жизненного процесса, а не вне его.

Это, кажется, Чехов, еще в бытность свою Чехонте, сказал: «А что, если вся вселенная находится в дупле гнилого зуба какого-нибудь чудовища?..»

Признаем, возвышающий обман — это то, без чего мы абсолютно не можем жить. Человек, начав понимать, что смертен, не находит успокоения, покуда не придумает способ примириться с этой неизбежностью. Например, поверив в то, что после смерти есть жизнь, что существует реинкарнация, что дух бессмертен и неуничтожим. Надежда на помилование живет, я думаю, в каждом.

Возвышающий обман необходим, ибо без него не было бы сил жить. Но фокус в том, что обман имеет шанс стать истиной. Человечество движется от одной иллюзии к другой. Что, как не возвышающий обман, идея «свободы, равенства, братства»? Все надежды на построение справедливого общества — социализма, коммунизма, «царства солнца» — основаны на этой иллюзии.

Как трактовать слово «возвышающий»? Нас идеализирующий. Делающий нас лучше. Дающий некую перспективу, направление движения. Движение, если говорить о развитии, не горизонтально. Оно происходит вверх — по спирали или как-то иначе, но вверх. Мир становится сложнее, мы становимся сложнее.

Художнику необходима перспектива. Свое произведение он творит согласно некоему представлению об идеале, в сколь бы различных обликах тот ни выступал. Даже само разрушение форм может выступать в качестве идеала.

Творчество есть попытка запечатлеть увиденное, услышанное, прочувствованное — то, что представилось в момент наития. Я уже сравнивал мальчиков, занимающихся онанизмом в «Амаркорде» Феллини, с творцами — их фантазия тоже обуреваема неким идеалом. Идеал необходим для творчества. Даже в самых горьких, пронзительных откровениях о низости рода людского, несовершенстве самой породы человека, как, скажем, в книгах Селина, сквозит горечь от того, насколько мы не соответствуем идеальному представлению о себе, нами же самими созданному.

Па-де-де

Где-то в середине 50-х папа взял меня в гости к одной своей приятельнице. Был большой обед. Пришел Касьян Голейзовский, замечательный хореограф, балетмейстер Большого театра. Сама хозяйка, обаятельная женщина типично русской красоты — курносая, голубоглазая, принимала нас со своей дочерью и мужем. Мужа звали Жора, у него был сломанный нос и заразительная улыбка. Он отсидел по 58-й статье, не так давно был реабилитирован, очень забавно рассказывал, как хохотал, радовался и кричал: «Подох!», вбегая в барак с газетой о смерти Сталина. Зэки даже испугались, увидев, как он скачет и пляшет.

Дочка, красивая, бледная застенчивая девочка Ира, училась в балетном училище Большого театра. Нас, детей, посадили рядом, мы неловко разговаривали. Потом, вспоминая этот обед, я припомнил и обращенные на нас заинтересованные взгляды взрослых, на что в тот момент не обратил внимания. Думаю, у папы и у его чудной приятельницы была

душевная идиллия, которую им внутренне хотелось распространить и на нас. На что я и клянул. Девушка мне очень понравилась. Я стал за ней ухаживать.

Видимо, не случайно на обед пригласили и Голейзовского. Ира кончала училище, ее надо было устроить в Большой театр. Фамилия ее была Кандат — папа Иры, первый муж Ириной мамы, ленинградский саксофонист, был латыш.

Ира приезжала к нам на дачу на выходные. Мы катались на лыжах. Летом поехали на юг, в Крым. Родители нас отпустили, уже не сомневались, что мы — состоявшаяся пара. Меня это ввергало в некоторую панику. Мы были влюблены, целовались до полубезумия. Я не хотел лишать ее невинности, боялся такой ответственности, покуда не был уверен, что женюсь. Мы спали в одной постели, два молодых животных, она доходила от моих поцелуев, у меня все звенело — так я хотел ее, простыня стояла горбом, но я не мог решиться... «Ты не мужчина!» — плакала она.

Незабываемым было путешествие в Бахчисарай. Поели чебуреков с вином. Вниз с Ай-Петри в Ялту возвращались на грузовике, нагруженном яблоками. Шофер разрешил нам устроиться в кузове. Пошел грибной дождь. Жара, солнце, машина летит, мы валяемся на яблоках, льет с неба вода, вся одежда прилипла. Я смотрю на Ирину чудную фигуру, грузовик мчит сломя голову вниз по мокрой дороге, захватывает дух. Где-то в конце самого спуска машина вдруг стала, выскочил перепуганный шофер.

— Ну, как вы?

— В чем дело? — не поняли мы.

— Тормоза у меня отказали! Я боялся, что вы вывалитесь. И вообще думал, что сейчас в пропасть свалимся!

Мы не ведали о том, что случилось, и всю дорогу были безмятежно счастливы... Счастье без тормозов...

Потом эта сцена (без истории с тормозами) вошла в «Иваново детство»: мальчик и девочка в кузове грузовика с яблоками — память о моем романтическом увлечении первой женой.